

Книга «Народная Русь» увидела свет в 1901 году. «Народная Русь. Круглый год сказаний, поверий, обычаев и пословиц русского народа» - заветный труд Аполлона Коринфского, в котором автор дополняет свои более чем двадцатилетние наблюдения за бытом русского крестьянства печатными материалами по русской и славянской этнографии. В книге раскрывается история народных праздников, причудливое переплетение языческого мира и христианства на Руси, взгляды славян на природу и мироустройство. Книга надолго стала библиографической редкостью. Почти забытая, десятилетиями упоминалась лишь как предмет изучения узким кругом фольклористов. В последние годы одно за другим в разных издательствах выходят красочно иллюстрированные переиздания «Народной Руси».

Востребованным оказалось все, что «дошло до наших дней, убереглось от забвения в сердце народном, подслушано пытливыми кладоискателями живого слова».

Аполлон КОРИНФСКИЙ

ГЛАВЫ ИЗ КНИГИ «НАРОДНАЯ РУСЬ»

XXX

ИЮЛЬ – МАКУШКА ЛЕТА

Июль-месяц – пора грозная; потому-то и величали его не только «сенозорником», но и «грозником» отдаленные предки русского народа-пахаря. По соседству, у поляков, слыл он за «липец» – от обильного цветения липы в этом краю. У других наших сородичей именовался он «червенцем» и «сеченем» (у чехов и словаков), «серпаном» и «седмником» (у вендов), «шарпаном» (у иллирийских славян) и т. д. На стародавнюю Русь приходил грозник-сенозорник пятым в году, а потом – позднее – одиннадцатым; с 1700-го года было повелено-указано ему жить на светлорусском народном просторе после шести других старших братьев-месяцев. Краснослов-народ, – что ни день, что ни час, припадающий к Матери-Сырой-Земле, – прибавляет к его именам еще три других: «страдник», «макушка лета» да «месяц-прибериха».

Придет месяц-прибериха, все приберет; но – по словам народа – «В июле на дворе пусто, да на поле густо!», «Не топор мужика кормит, а июльская работа!». От работы в этом страдном месяце и впрямь отбою нет: «Сбил сенозорник-июль у мужика спесь, некогда на полати лезть!», «Плясала бы баба, да макушка лета настала!», «Всем лето пригожо, да макушке тяжело!» – приговаривает тороватая на меткое словцо поселская Русь, умывающаяся потом в поле, на страдном жнитве. «Макушка лета устали не знает!», «В июле хоть разденься, а все легче не будет!», «Знать, мужик – доможил, что на сенозорник не спит!» – замечает она о своем июльском недосуге, но эти стародавние замечания приходят трудовому деревенскому люду в голову только в те благодатные годы, когда не подводит брюха с голоду, да и в поле впрямь «густо», а не – «колос от колосу – не слышать человечьего голоса», как случается об иную пору лихолетнюю, грозящую в июль-грозник грозною бедой неминуею всем кормящимся на земле от щедрот земли.

Справит деревня, придерживающаяся пережива-

ющих века обычаев, поминки по весне (30-го июня), следом за ними приходится ей «летние Кузьминки» встречать. 1-е июля – день, посвященный Церковью памяти святых мучеников Космы и Дамиана. «Косма-Дамиан, светла похвала римскому граду тех даровала», – поет народная Русь в духовном стихе калик переходжих и продолжает, переходя к более определенному взгляду на починающих этот месяц святых бессребренников:

«Июль добритя,
Светло краситя,
Сих заря возсияла...»

В этот день сельскохозяйственный опыт советует всем огородникам – в средней полосе России – начинать полоть огородов; с этого же времени повсеместно можно вырывать корневые овощи из гряд на продажу. В деревнях Тульской и смежных с нею губерний с летних Кузьминок выходят на покос. По степной округе знающие дело люди принимаются с 1-го июля искать-собирать травы, идущие на краску.

Через день после летних Кузьминок – «Мокей с Демидом в поле стоят, к Марфе (4-му июля) навстречу вышли». К этому времени озимые хлеба должны быть в полном наливе. «На Марфу озими в наливах дошли, батюшка-овес до половины урос; овес в кафтане, а на грече – и рубахи нет». За Марфиным приметливым днем Афанасьев приходит на Святую Русь. «Афанасьев день – месяцев праздник»: на него ввечеру смотрит сельский люд, как ясен-месяц заиграши свои в полях небесных ладит. Удастся месяцева игра – к хорошему урожаю, к ладной уборке хлеба. Есть такие дальнорзоркие люди, что заверяют-клянутся, будто примечали, как предсказывающий хлебородную пору месяц – при восходе своем – перебегает с места на место, играючи семью цветами, с цвета на цвет переливаясь. «В шестый день (июля) Сисой лицом светлеет, в седьмой день Фома, як снег, белеет», по выражению южнорусского простонародного месяцеслова, записанного Безсоновым. Если к 8-му июля – к «летним Прокопам» – приметя поспевать черника-ягода, то

надо, благословясь, о жнитве думать: время-пора. Дошло отголоском седой старины до наших дней и такое предание, что в этот день «является сама собою камаха, красна червец». В старину говаривали в народе, что «камаха» заносится ветрами в наши поля с теплых стран, свивается в клубок и первому счастливцу, который ей встретится, подкатывается под ноги. Кто будет таким счастливцем в этот день, – быть во всем у того полному благополучию круглый год. «Тому камаха в руки дается, кому на роду написано!» – гласит умудренное жизнью вещее слово старых людей. «За Прокопами – Панкратии» – 9-й день страдного-грозового месяца. Спустя сутки – премудрой княгини Ольги, Ольгин день.

12-го июля чествуется память св. мученика Прокла: «Проклы – большия росы». К этому дню следует, по старинной примете, досушивать запоздалое сено «грядущками»: проклова роса – сеногнойная. Но это не единственное ее свойство: вредная в сельскохозяйственном обиходе, она, по наблюдениям старых лечеек-знахарок, пользителна «для очнаго врачевания»: отгоняется ею, изводится «очной призор». Советуют сберечь эту целебную росу на случай напуска-сглаза: с прищептом-заговором особым, поминаячи Прокла-мученика, проклинают знахари нечистую злую силу, отгоняя от опрыскиваемых росной влагой всякое лихое наваждение дьявольское. Вслед за «Проклами» – «Степан-Савваит ржице-матушке к земле клониться велит» (13-го июля); 14-го – «Акила славный благопобедник, Кирик и Улита – двоица свята». Об Улите июльской и присловие особое в давние времена сложилось в народной Руси: «Улита едет, да когда-то будет!»... Перелом июль-месяца (15-е число) – «Владимир, Красное Солнышко». На этот день, посвященный воспетому в целом ряде народных былин (киевских), святому равноапостольскому князю, просветившему древнеязыческую Русь немеркнувшим светом веры Христовой, и солнышко – по народному слову – краснее светит, чем во всякую иную пору.

За днем Владимира – Красна-Солнышка – Финогеевы зажинки: «и Афиноген со десятими учениками, мучениками и Соборы Святыми, якоже звезды в небе твердильный мир просвещают»... «Зажинки» (зажинки) на стародавней Руси были одним из важнейших земледельческих праздников. Во времена древнерусского язычества этот праздник был посвящен милостивому Дажьбогу; несколько позднее праздновали его Волосу-Велесу. Все эти празднования шли обок с особыми пирушками-мольбищами, сопровождаясь разнообразными заклинаниями, успешными к нашим дням затонуть в глубинах былого-минувшего. В первой половине XIX столетия зажинки, не сохраняя в себе сколько-нибудь заметных языческих следов, были днем, объединявшим земледельческие обряды доброй родной старины с благоговейным отношением крестьянина к дарам Матери-Земли, в которых – все его богатство, вся награда за непрестанный тяжелый труд. У многих исследователей стародавнего русского быта рассказано, как проводился на Руси этот день. Доспевала-вызревала в полях к этой поре страдника-месяца рожь-матушка, уставала бить поклоны низкие земле-кормилице и пшеница белоярая, да и усатый ячмень местами зачинал грозить неспешливому пахарю-жнецу: «Торопись, не то начну зерно ронить!» Выходили поутру на Финогеев день зажин-

щики с зажинщицами на свои загоны; зацветала-пестрилась нива мужицкими рубахами да платками бабьими; перезванивали серпы отточенные-зубренные; песни заживные перекликались от межи до межи, с поля на поле перелетывали. На каждом загоне шла впереди всех прочих жнецов сама хозяйка, мужняя жена, с хлебом-солью да со свечой «громнитною»-сретенской. Первый сжатый сноп – «зажиночный» – звался «снопом-именинником» и ставился особе от других; ввечеру брала его зажинщица-баба, шла впереди своих домашних, вносила в избу, клала три земных поклона перед «святном» (иконами) и ставила именинника в красный угол хаты, перед божницею. Стоял этот сноп до самого конца жнитва – до «Спожинок-дожинок», потом обмолачивался наособищу от другого хлеба; весь умолот его собирался в чистую посудину и относился во храм Божий, где его святили, чтобы примешивать свяченное зерно к семенам при засеве озимого поля. Солома снопа-именинника сберегалась для домашней животины – на лихой случай: прикармливали ею большой рогатый скот. В стародавнюю пору во многих местностях зажиночный сноп переносился, по прошествии семи дней, от красного угла – божницы в овин, где и стоял вплоть до первой молотьбы нового хлеба. Присмотрливые люди говаривали, что соблюдением этого обычая обеспечивался добрый умолот новины. Во многих малорусских селах еще не так давно перед зажином поднимались народом-громадою местные иконы, и служился в поле молебен св. Афиногену мученику, причем первый зажин делался у каждого загона священником. К настоящему времени этот благочестивый обычай соблюдается все меньше и меньше, уступая свое место обыденной, трудовой жизни, заслоняющей своими стенами тускнеющие год от года ярко-цветные предания дедов-прадедов. По народной примете, каков будет зажин-таковы и зажинки. «Придет Финогей с теплом да со светом, уберешься загодя со жнитвами», – говорит деревня, приговариваючи: «Финогей с дождем – копногной, хлеб в снопе прорастет!», «На Финогей молись солнышку, проси бога о ведрышке!», «Финогеев день к Илье-пророку навстречу идет, жнитва солнышком блюдет!», «Первый колосок – Финогеев, последний – Илье на бороду!»

За Финогеем – «Маринь» (17-е июля): «Марина с Лазарем ладит зорям пазори». Следом за ними – Емельянов день, затем – «Мокриды», так зовется в посельской Руси день, посвященный памяти преподобной Макрины. По этому дню загадывает приметливый деревенский люд о будущей осени. «Смотри осень по Мокридам!» – говорит окрыленное мудростью народное слово: «Ведро на Мокриды – осень сухая!», «На Мокриды дождь – осень мокрая!». Потому-то и присматривается хлебороб-мужик к этому дню с такой опаскою: «Прошли бы Мокриды, а ты будешь с хлебом!», «Коли на поле Мокриды, и ты свое дело смекай!»

20-го июля – свят-Ильин день, с которым связано многое-множество до сих пор не умирающих обычаев, поверий, сказаний и живучих красных слов.

«Пророк Илья, Яко молния,
Горе творит восходы,
На колеснице огненной седит,
Четвероконными конями ездит.
Неизреченная зрит»...

Таковыми словами отмечает этот день месяцеслов

убогих певцов – калик перехожих. Длинный сказывается сказ у русского народа-пахаря об «Ильинщине» (см. гл. XXXI).

Минуют сутки после Ильи-пророка (день св. Симеона Христа ради юродивого), а там и Марьян день – 22-е июля: «Коли на Марью большия росы – будут льны серы и косы». По деревенской примете – Марьяна роса укорачивает льняной рост. 23-е июля – Трофимов день, канун Бориса-Глеба. Об этом – последнем приговаривают на деревенской Руси: «На Глеба на Бориса за хлеб не берися!» (Киевская, Черниговская, Полтавская губ.). «Борис-Глеб – созревает хлеб!» (Рязанская губ.) и т. д. В белорусских местах слывет этот день за «Паликопа»: по словам памятливых старых людей, у не почитающих обычаев благочестивых загорались в этот день копны на только что сжатом поле. Бывают в этот день во многих местах сильные грозы. На святых мучеников братьев народное суеверие перенесло некоторые черты всеобъемлющего Перуна-громовника, чуть ли не всецело приуроченные ко св. Илье-пророку. Так, оно представляет их пашущими небесную ниву выкованным ими самими плугом, запряженных крылатым Огненным Змеем.

В селе Репьевке Сызранского уезда Симбирской губ. записано П.В. Киреевским любопытное песенное сказание, распевавшееся слепцами убогими. «С восточного словеснаго, с держания Киева града, – начинается оно, – великий Владимир князь владел он всюю Россиею. Имел себе он трех сынов: старейшаго Света-Полка, а меньших Бориса-света и Глеба. Великий Владимир князь разделил Россию всю сыновьям своим на три части: старейшему Свету-Полку великий славен Чернигов-град, благоверным Борису-свету и Глебу великий Воспревышь-град (Вышеград). Великий славен Владимир князь, разделяя Россию сыновьям своим, пожил в доме, преставился.

Сотворили ему честное погребение. После его чада разыдутся по своим по градам: старейший Свет-Полкий в Чернигов град, а благоверные князья Борис и Глеб в Воспревышь-град». До сих пор певец-народ остается здесь беспристрастным сказателем-летописцем. Со следующих стихов он впадает в некоторую страстность. «О, злой-ненавидный, враг немилостивый, возлюбил много места, захотел владеть всюю Россиею!» – восклицает он, подразумевая под злым-ненавидным Святополком Окаянного (Света-полка)64[64] Святополк 1-й, старший сын Владимира Святого, родился в 970-м году, получил от отца в 1013-м году в удел Туровское княжество и женился одновременно с этим на дочери польского короля Болеслава. Он устроил было заговор против отца, но был изобличен в этом и лишен удела. Лишь незадолго до кончины своей св. Владимир простил его и посадил в Вышгороде. Когда отец умер (в 1015-м году), Святополк, по праву старшинства, захватил престол великокняжеский и прежде всего решил убить своих братьев (Бориса, Глеба и Святослава), могших стать его соперниками. Братоубийство совершилось. Узнав об этом, оставшийся в живых брат – Ярослав, сидевший князем в Новгороде, пошел войной на убийцу, захватившего отцовскую власть. Близ Любеча Святополк был разбит и бежал в Польшу, откуда вернулся с помощью от тестя и снова (в 1017-м г.) овладел Киевом. Затем он был опять разбит, снова бежал и привел на Ярослава печенегов, потерпел неудачу и – после

скитания в богемских лесах – умер, оставив в народной памяти и летописях имя Окаянного.

Ряд исследователей считают, что Святополк не имел отношения к убийству Бориса, в отличие от Ярослава, который сражался в 1015 году именно с Борисом. Прозвище Мудрый ему дали историки только в конце XIX века. Прозвище Святополка – Окаянный – значит в древнерусском языке не только «проклятый», «грешный», но и «несчастный, достойный жалости, многострадальный».

Один из летописцев косвенной цитатой из Библии говорит о ложном обвинении Святополка.

Подробнее см.: И. Данилевский. Святополк Окаянный. «Знание-сила», 1992, № 2, стр. 65-73. – **Прим. н. ред.**) и продолжает свое повествование, почти ни на шаг не отступая от строгой жизненной правды: «на своих братьев прогневился, опалился, яко Каин на Авеля, как бы победита Бориса и Глеба; злоумышление на них помышляет, на совет братьев призывает, во пир честный пирует, отца своего князя помянута. Посланников злой посылает, с посланниками лист написует в тое же в посланную в палату. Благоверные Борис и Глеб со радостью лист принимают, пред матерью стоя прочитали... Князья-братья просят у матери благословения «ехать в Чернигов-град к старейшему брату»; мать-княгиня отговаривает, подозревая, что тот замышляет что-то злое-недоброе, но князья-братья не послушали ее слезного увещания – не ехать: «Оседлали своих добрых коней, седуючи, радуочи, поедучи во Чернигов-град, к старейшему брату Полку». И вот, – продолжает стих народный: – «пробудут святые среди пути-дороги, о, злой ненавидный, враг немилостивый, встречал их злой среди пути-дороги. Он косо на своих братьев взирает, злыми зубами воскрежетает, злыми словами намекает, гнев с яростию смешаяючи, как бы победить Бориса и Глеба. Еще Господь силены (иней) спустил на все благовонные цветы. Увидели печаль сию, скоро с добрых коней солезали, главы клонят к матушке ко сырой земле. Просили старейшего брата Полка...» Далее следует трогательная, дышащая тончайшим благовоением крохотки, просьба святых Бориса и Глеба, обращенная ими к «злomu-ненавидному, врагу немилостивому»:

«О, братец мой старейший, Свет-Полкий!
Разве ты хочешь нами владети,
Или великою всюю Россиею?
Пойми нас, брат, в доме своем
Рабочими, верными слугами;
Не вемы мы никакого порока.
Чтобы в твоём доме зло мы сотворили;
Не сотвори, брат, печали матери,
Коя нас с тобою породила;
Не покори, братец, о Христе
Сродников наших;
Не среж класы неспелые.
Не повреди ты винограда незрелого;
Не отрыгнут винограда сего
Коренья от сырья земли;
Не обидь нас, братец, во младых летах!..»

Но «злой-ненавидный» – не тронулся мольбою братьев: «враг немилостивый прошения не слушает, на поклоны не взирает, а моления злой не воспримлет, злоумышление на них помышляет. Помысливши, злой научился, как есть злой враг накачулся, как победити Бориса и Глеба. Бориса злой копьём сбрюшил

и Глеба ножом заколошил!»... Злое-черное дело совершилось. И от тьмы его, – гласит сказание: «месяц и солнышко померкли, не было солнечного освещения три дня и три ночи. Повелел Свят-Полк между двух колод их погрузити. Их святыя мощи три года в плоти лежащи, ничем тела неповредивши, ни звери, ни птицы их не поели, не солнечных лучей попечением. А он, ненавистный, враг немилостивый, седуючи, радуочи на добрые кони, поедучи в великий славен Воспревышь-град»... Здесь, после этих слов, песнотворец-народ берет верх над правдивым летописцем, и стих уже значительно расходится с летописным рассказом о дальнейшей судьбе Святополка-братоубийцы: «Не потерпел ему Господи Владыка», – поется далее: «сослал Господь с небес грозных ангелов. Ангелы, обрезавши о Христе нози, вознесли злого кверху, да свернули до аду, пред ним земля потрясется, и морская волна вся всколыбалась. Всповедали российский держатели, великие князи, съезжалися, брали мощи да понесли во славен великий Воспревышь-град. Состроили-воздвигнули святую соборную, каменную церковь во имена Бориса и Глеба. Явил Господь свою милость: было от мощей прощение, слепым давал Господи прозрение, скорбящим-болящим исцеление, всему миру давал Господи вспоможение, спасалась вся Россия от варварскаго нашествия. Им же слава от отныне до века веков, аминь»... Это сказание стиховное, с более или менее значительными разнопевами, было записано и другими собирателями русской песенной старины в разных уголках Святой Руси великой (в Смоленской, Московской и других губ.). Повсюду помнят народ православный о своих князьях-мучениках. Память их чествуется Церковью кроме 24-го июля, еще весною – 2-го мая, в самый разгар пашни. «Борис и Глеб сеют хлеб!» – говорят тогда на деревенской Руси.

25-го июля, по месяцеслову безсоновских памятливых певцов-калик переходящих:

«Святая Анна и Евпраксия,
Алимпиада игумения,
В лецоте,
Райской красоте,
Приемлют услаждения»...

По старинной примете, если ночь с этого на следующий день будет свежая-холодная, то и зиме быть ранней да студеной. «Припасает на день святой Анны зима холодная утренники!» – гласит народная молвь приметливая. С 27-го июля-сенозорника (день св. Николая Кочанного), по словам огородников, капуста кочны копит, на щи пахарю запасает к зиме. Воспоминаемому в этот же день великомученику Пантелеймону служат знахари-лечейки молебны, как целителю всяких болей, чтобы он наставил разум их на доброе-успешное врачевание. В иных местностях собирают «на Пантелея-целителя» добрые травы, идущие на пользу болящему люду. «На Прохора да на Пармена (28-го июля) не затевай никакой мени!» – предостерегает вещее народное слово. 29-го июля – «Калинники» (св. мучен. Каллиника и др.). В северном полуночном углу светло-русского простора с этого дня зачинаются утренники-морозцы. Боятся их мужик-северянин пуще огня: убивают хлеб на корню. «Пронеси, Господи, Калиники мороком (сырым туманом)!» – можно услышать в архангельских деревнях. В средней полосе России, например – от туляков-землепашцев, ходит по народу другая поговорка-приме-

та об этом дне: «Коли на Калиники туманы, припасай косы про овес с ячменем!» – приговаривают там.

Предпоследний день июля-месяца наособицу отмечен народным суеверием. Прежде всего это – день «Иван-воина», святого мученика, открывающего молящимся ему все потайные кражи. В большом почете 30-го июля ворожеи с ворожейками: сходятся к ним со всей округи с просьбою о молитве чествуемому в этот день святому. Существует немало заговоров, обрацаемых знахарями-ведунами к нему об эту пору. Кроме Иван-воина воспринимается в тот день св. апостол Сила: о нем старые люди повторяют старые речи: «Святой Сила подбавит мужику силы!», «Дожить бы бабе до Силина дня, – и с яровыми управится, как засилья прибавится!», «На Силу-святителя и бессильный богатырем живет!» и т. д. Про этот день записано поверье о том, что на него «обмирают ведьмы». По народной молви, происходит это оттого, что они опиваются молоком. Старухи-доможилки заверяют, что ведьмы умеют задаивать коров до смерти. Но они же и повторяют, что, если обомрет ведьма, так ее ничем не пробудить. Есть только одно средство: «Жги скорей пяты соломой, все дело пойдет на лад!» А умирает ведьма, – говорят в народе, – если не прибегнуть к этому завещанному стариной средству, – страшнее страшного: «под ней и земля трясется, и в поле звери воют, и от ворон на дворе отбою нет, и скот нейдет на двор, и в избе все стоит не на месте». А если пожечь обмирающей ведьме горящей соломой пятки, – то не только пройдут все эти страхи мимо, но и сама она никогда не захочет на молоко взглянуть, а не то чтобы корову задоить. С Евдокимовым днем (31-е июля) конец приходит грознику-страднику, макушке лета. На Евдокима – Успенское заговенье, канун Первого Спаса – «Происхожденьева дня» московской Руси.

XXXI

ИЛЬЯ-ПРОРОК

Двадцатое июля – день св. Ильи-пророка – с незапамятных времен справляется на Руси с особыми, веками установившимися обрядностями, непосредственно связанными с бытом народа-пахаря, все благосостояние которого зависит от земли-кормилицы. Этот день отмечен в народной памяти целым рядом разнообразных примет, пословиц, поговорок, заклятий и сказаний, отражающихся – как в зеркале – в народных обычаях, свято соблюдаемых по завету предков.

В представлении народной Руси с Ильей-пророком слились многие черты древнеязыческого Перуна-повелителя громов, уголявшего летнюю жажду земли живительными дождями, таившими в себе зачатки ее плодородия. Это последнее, несомненно, являясь в старину одною из главных побудительных причин почитания посвященного празднованию его памяти дня – среди народа, только что начинающего расставаться с обожествлением стихий природы, отовсюду обступавшей его жизнь. Впоследствии, когда утратилась в народе и самая память о былом язычестве, ветхозаветное сказание о земной жизни св. пророка только укрепило вековые связи между ним и его почитателями на Руси. Сказочные же черты, приуроченные к его грозному облику, уцелели во всей своей суровой красоте.

Св. пророк Илья (65)[65] Св. Илья – ветхозавет-

ный пророк, происходивший из иудейского города Фесвы, жил во времена царя Ахава, водворявшего в Иудее поклонение языческим (финикийским) богам Ваалу и Астарте – по наущению жены своей, финикийки Иезавели. Повествование о жизни и деятельности пророка Ильи находится в III и VI Книгах Царств. Его чтят не только евреи и христиане, но даже и магометане] до сих пор остается в народе хозяином громов, разъезжающим по тверди небесной на своей запряженной крылатыми конями колеснице. Он по-прежнему поражает огненными стрелами-молниями злых демонов и всякую нечисть. Как и в былые времена, льет он на землю дождевые потоки. Под его покровительство отданы Богом земные нивы, орошаемые потом трудового люда. Так говорят о нем не только в русском народе, но и у всех славян, некогда поклонившихся богу-громовнику. В гулких раскатах грома слышится славянину то грохот колес огненной колесницы пророка, то стук копыт его четырех коней, по быстроте могущих сравниться разве с одним ветром. «Быстрее коней Ильи – только ветер!» – говорит болгарская пословица, повторяющаяся и в наших старинных песнях, описывающих этих коней самыми яркими красками. Русские простонародные сказки, поселяющие св. Илию на «острове Буяне», отводят ему важное место среди стихийных существ, влияющих на жизнь трудовую-человеческую. На этом острове, лежащем в неизведанных пределах «морья-окияна», как известно из дошедших до нас заговоров, сосредоточены все громы-молнии небесные, вся сила бурь-ветров, все чудовища «наибольшия, старший». Но, кроме них, здесь же восседают «и дева Зоря и пророк Илия». Последний привлекает к себе взоры всех трудящихся на земле около земли. Его молят не только о ниспослании дождей («Илья Мокрый»), но и о прекращении ливней («Илья Сухой»). К нему обращаются с мольбами об охране от ружейных ран, об удаче на охоте, об излечении сибирской язвы бб)[66] Сибирская язва – заразная болезнь, вызываемая присутствием в организме особых бактерий. Эпизодически свирепствует она среди лошадей и крупного рогатого скота, распространяясь на более мелких домашних животных и – в исключительных случаях – даже на человека. В Россию эта болезнь проникла из Монголии через Сибирь (Забайкалье), почему и получила у нас такое название. Человеку она передается посредством укуса насекомыми, соприкасавшимися с зараженными ею животными. Сначала она проявляется в виде карбункула (pustula maligna) и тогда легко поддается излечению – выжиганием раскаленной платиной. Будучи запущена, язва производит общее заражение, быстро ведущее к смерти] и даже, – как ни мало вяжется это с представлением об его грозном, величии, – о счастье в любви. Множество всевозможных заговоров и заклятий связано с его грозным и, по-видимому, всемогущим, по мнению народа, именем. «Встану я, раб Божий», – говорится, например, в одном из этих заговоров, – «пойду под восточную сторону, к морю-окияну... На том окиян-море стоит Божий остров, на том острове лежит бел-горюч камень-алатырь, а на камени святой пророк Илия с небесными ангелами. Молюся тебе, святой пророче, пошли тридцать ангелов в златокованном платье, с луки и стрелы, да отбивают и отстреливают от раба уроки и призоры

и притки, щипоты и ломоты, и ветроносное язво»...

Могущество св. Илии-пророка, имеющего, по народному верованию, власть даже над ангелами, грозою гремит над всеми темными силами, существующими на соблазн и на пагубу крещеному миру православному. Своими огненными, а то и каменными стрелами он поражает духов тьмы; во время грозы укрываются они в змей и других гадов, но небесные стрелы и там находят их и убивают на радость добрым людям, чествующим пророка Божия. Но горе тем от его грозного гнева, кто не чтит его, кто – внимая своей злобе – плодит только злую гордыню на ниве жизни. В одной из старинных сказок «громовник Илья» говорит «Огняной Марии» (Пресвятой Деве), плачущей над грехами человечества: «Станем молить истинного Бога – пусть даст нам ключи от неба, и затворим седьмь небес, наложим печать на облака, да не падет из них ни шумящий дождь, ни тихая роса три года, и да не родится ни вино, ни пшеница»... И – «ключи» эти, по словам других памятников народного творчества, «дались ему в руки от истинного Бога». Он – волен и в дождь, и в бездождии. По желанию своему, может он выбивать градом поля грешников, может поражать насмерть и живых людей. Но в то же время он заботится о нивах добрых пахарей, помнящих Бога: побивает стрелами всякую тлю земную, всякий «гнус», поседающий жито. «Если бы не побивал их Илья-пророк, то земля не родила бы хлеба», – говорят в народе.

Каждое 20-е июля ждут на Руси дождя и грома – как в день, посвященный повелевающему ими пророку. Ведро на Ильин день предвещает пожары. Ильинским дождем умываются для предохранения ото всяких «вражьих чар», соединенных с болезнями. В день св. пророка никто не должен, по верованию народа, работать в поле: ни жать, ни косить, ни убирать сена – из опасения того, чтобы Илья-громовник не спалил во гнев уродившееся жито и сено. Упорных ослушников, никогда не почитающих праздника его, пророк убивает громом. Этому верит твердо вся деревенская Русь, с незапамятной поры и до наших дней «празднуя Илью».

В некоторых местностях лет тридцать назад еще соблюдался старинный обычай собираться в этот день целым приходом к церкви и сгонять туда рогатый скот. Священника просили окроплять «животину» святой водою. После обедни выбиралось и покупалось всем миром одно животное, за которое уплачивались хозяину «с каждой души деньги». Это животное потом закалывалось, мясо его варили в общем котле и разделяли присутствующим на торжестве за деньги, которые обращались в пользу церкви. Мало-помалу этот обычай исчез, хотя в Вологодской губернии его можно было, по соседству с зырянками, совсем еще недавно наблюдать во всех подробностях. В Калужской губернии в настоящее время пригоняют на Ильин день к церкви молодых барашков. В этот праздник во многих местностях поют молебны над чашками с зерном – для «плодородия».

«Святой Илья зажинает!» – говорят в народе и перед началом жатвы связывают снопом на корню колосья, посвящая их покровителю урожая – словами: «Илье-пророку – на бородку». В Курской, Воронежской, Архангельской и некоторых других губерниях это делается перед окончанием жатвы. К оставленному в поле «кусту хлеба» все относятся с благогове-

нием, похожим на страх. «Кто дотронется до закрута – того скорчит!» – говорят старики, хранители обычаев и обрядов, и приводят для убеждения легкомысленной сельской молодежи бесчисленные примеры в подтверждение своих слов, звучащих отголоском старины.

С Ильиным днем кончаются, по народному слову, летние красные дни. «Илья лето кончает, жито зажинает; первый сноп – первый осенний праздник!» – говорит посельщина-деревенщина и продолжает, торопая на красные слова: «На Илью до обеда – лето, после обеда – осень!». Народная мудрость проявляющаяся в пословицах, идет дальше. Она гласит: «До Ильина дня сено сметать – пуд меду в него накласть, после Ильина – пуд навозу!». По старинному изречению: «До Ильи поп дождя не умолит, после Ильи – баба фартуком нагонит; до Ильина дня и под кустом сушит, а после Ильина дня и на кусту не сохнет!». А между тем – как раз в это время и ждет народ ведра для уборки хлебов, потому что, по его словам: «До Ильи дождь – в закрое, после Ильи – из закрома!». Потому-то, между прочим, и чтится наособицу у нас на Руси день пророка, «державшего и низводящего дождь».

На Ильин день не работают в поле, но к этому дню подготавливаются именно работами. «К Ильину дню заборанивай пар! До Ильи хоть зубом подери! К Ильину дню хоть кнутом прихлыстни, да заборони! До Ильи – хоть кнутом захлыщи!» В этих поговорах слышится голос деревенского опыта, выработанного веками земледельческого труда, а потому и почти никогда не ошибающегося в своих приметах. Единственная работа, допускаемая в праздник св. Ильи-пророка, это первое подрезывание сотов на пчельнике. В этот же день пчеловоды перегоняют последние рои пчел и подчищают ульи. Пчелка – Божия работница, «Божа пташка» – по словам малороссов. Ее работа на церковь, Богу на свечку – охраняет ее от гнева разящего громами пророка. По верованию пчеловодов, Илья-громовник не ударит громом улей, хотя бы укрылся за ним нечистый дух.

На Ильин день не выгоняют и скот в поле на пастбище. Народ убежден непоколебимо, что в этот праздник открываются волчьи норы, и «весь зверь бродит на свободе»... Кроме того, существует опасение, что разгневанный пророк может поразить и выгнанную в поле «животину», и пастуха.

К концу июля вода в реке становится холоднее. Это связывается, в представлении народа, с чествуемым праздником «дождящего и гремящего» пророка. И вот – «до Ильи мужик купается, а с Ильи с рекой прощается!». По народной молве – с Ильина дня работнику две угоды: ночь длинна, да вода холодна! Дни становятся все короче («Петр и Павел к ночи час прибавил, Илья-пророк – два приволок!»), а работы – прибывает да прибывает в полях. Есть о чем помолиться народу в Ильин день перед последнею летней страдою, – хотя в более южных губерниях, где хлеба созревают раньше, «Илья пророк – копны считает», а кое-где есть уже за столом и «новая новина на Ильин день». Жнитво ярового, сноповоз, сев озимых, молотба – на все надо немало времени. И беда, если этому помешают дожди, – если не умолит народ грозного Илью, беспощадного в своем праведном гневе.

Последние летние, переходящие на осень грозы гремят все грознее. От удара огненных стрел Ильи-

пророка из каменных гор выбегают, по народному верованию, родники и быстрые речки, не замерзающие даже в студеную зимнюю пору. Им приписывается чудодейная сила-мочь; их называют не только «гремячими», но в некоторых местностях даже и «святыми». Нередко над ними ставят кресты и часовни с иконами св. Ильи-пророка и Божьей Матери, к которым впоследствии совершаются торжественные крестные ходы – каждое 20-е июля, а в другое время – при молебствиях во дни бездождия. Благочестивые старики старательно углубляют истоки таких родников, забираючи прочным срубом и всячески оберегая от засорения. Находимые поблизости от этих родников «громовые стрелки» считаются целебными от разных болезней. Этими стрелами, по народному поверью, св. Илья-пророк «побивал нечистую силу» в свой святой день.

По словам деревни, трудящейся весь свой век у земли-кормилицы: «Ильинская соломка – деревенская перинка!», «Знать осень на Ильин день по снопам!», «То и веселье ильинским ребятам, что новый хлеб!», «У мужика та обнова на Ильин день, что новинкой сыть!», «Знать бабу по наряду, что на Ильин день с пирогом!»... Да и не перечесть, не пересказать всех ильинских речений народных, так много вылетело их из уст народа-пахаря.

Во многих старинных песнях св. пророк Илья сливается с личностью Ильи Муромца, одного из любимых сынов русского былинного песнотворчества. Подвиги этого богатыря Земли Русской, – связанные с памятью о преподобном Илье Муромском, почивающем в Киевско-Печерской лавре, – приписываются Илье-пророку. Во многих местностях, где, по преданию, конь Ильи Муромца выбивал копытом родники, поставлены часовни во имя св. Ильи. В свою очередь, в других губерниях даже громовые раскаты объясняются «поездкою богатыря Муромца на шести конях по небу».

Народный «Стих о Страшном Суде» придает пророку, держащему в своих руках громы и дожди, струящиеся на грудь Матери – Сырой Земли, значение одного из исполнителей воли Господа, разгневанного всеобщей растленностью созданного Им мира. Вот как повествует об этом сказание, вышедшее из уст песнотворца-народа:

«Как сойдет с неба Илья-пророк, –
Загорится матушка – сыра земля,
С востока загорится до запада,
С полуден загорится да до ночи.
И выгорят горы с раздольями,
И выгорят леса темные.
И сошлет Господи потопит,
И вымоет матушку – сыру землю,
Аки харатью белую;
Аки скорлупу яичную,
Аки девицу непорочную...»

Всюду, где встречается имя грозного пророка в дошедших до наших дней от старинной старины памятниках русского народного творчества, – везде он является в венце своего праведного гнева на нечестивых грешников и с отеческими заботами о благочестивых и добрых. С каким обликом жил он в представлении отдаленных предков русского простолудина, таким останется и теперь у нас в народе.

XXXII

АВГУСТ-СОБЕРИХА

Кроме особых, нарочитым узорочьем приукрашенных, цветистых сказов о трех Спасях (См. гл. XXXIII – XXXV): медовом – первом, втором – яблочном и третьем – Спожинках, умудренная многовековым опытом народная Русь сохранила – частию в изустной передаче, отчасти же и в письменной кошнице своих бытоведов – немало различных преданий, поверий, примет и крайне любопытных обычаев, относящихся к тому же, обогащенному народной молвью августу месяцу.

Стоит месяц август межевым столбом на грани лета и осени, приходя на светлорусское раздолье привольное после семи старших братьев-месяцев (до XV века приходил он на Русь шестым, затем – до 1700 года шел за двенадцатый). «Заревом»-месяцем и «зорничком» называли его отдаленные предки русского пахаря, «серпением» величали малороссы, поляки да чехи со словаками; у сербов слыл он за «прашник» и «женч», у кроатов – за «кимовец» и «великомешняк»; «коловоцем» прозывали его иллирийские славяне. «Август-густарь, густоед-месяц», – говорит русский мужик-простота в некоторых великороссийских губерниях, своеобразно объясняя словопроисхождение его имени и не подозревая даже, что было это последнее дано предосеннему месяцу в честь прославленного современниками древнеримского императора Августа (67)[67] Август (Кай Юлий Цезарь Октавиан) – первый римский император, сын Кая Октавия и Атии – младшей сестры Юлия Цезаря; он родился 23 сентября в 63 г. до Р. Хр., был (в 45 г.) усыновлен Юлием Цезарем и – по его завещанию – наследовал его богатства и возымел тогда же (в 44 г.) намерение стать преемником и его власти. Но это удалось нескоро. Борьба республиканской, свергшей Цезаря партии с партией Антония, мстившей за смерть диктатора, кончилась победою последней, но победа не явилась обеспечением мира. Борьба не угасала. Она вызвала войну против Антония, победителем которой явился Кай Октавиан, заключивший после того триумвират с ним и его другом, Лепидом, и разбивший республиканское войско. Новое столкновение с Антонием, новый союз и снова – разрыв. В 31-м году Октавиан, после ряда войн и побед, оказался единственным властителем Римского государства, в 29-м – народ и сенат чествовали его триумфом, к 27-му он освободился от всех соперников и при творно сложил власть диктатора, в благодарность за что и получил имя Августа (angustus – священный), сохранив его впоследствии в виде императорского титула. Целый ряд новых победоносных войн, во все стороны раздвинувших пределы Рима, приобрел ему любовь народа и сосредоточил в его руках полное владычество над государством. Форма правления Августа и явилась тою, с какой связано понятие о монархической власти. При нем Рим достиг высокой степени могущества и благосостояния. Время его и теперь слывет за «золотой век Августа»].

Хоть и появляется в этом месяце во многих местах на Руси «хлебец-новина», но работы у деревенского хлебороба хоть отбавляй. «Мужику в августе три заботы», – замечает крылатое народное слово, – «три заботы: и косить, и пахать и сеять!», «Август

-каторга, да после будет мятовка (раздолье, обилие пищи): мужицкое горло – суконное бердо, все мнет!» Сиверкой-холодком потягивает на август с идущего ему навстречу сентябрьского «бабьего лета», но – по народной примете: «В августе вода холодит, да серпы греют!», «Август-батюшка работой-заботой мужика крушит, да после тешит!».

Август не июль; его не «приберихой», а – наоборот – «соберихой» да «припасихой»-месяцем в поселском быту зовут. «Что соберет мужик в августе – тем и зиму-зимскую сыт будет!» – гласит старое присловье, вылетевшее на широкий светлорусский простор из уст деревенского люда. «Овсы да льны в августе смотри!», «Август-ленорост, припасает бабе льняной холст!» – можно услышать в любой поволжской деревне. «В августе и жнет баба, и мнет баба, а все на льны оглядывается!» – приговаривают дотошные краснословы: «Бывает, что и жато, и мято, да ничего не добыто!». От речистых людей пошли и другие поговорки обо льнах да о бабьей заботе: «Не домнешь мялкой (снаряд, которым мнут лен и конопель, очищая волокно) – так не возьмешь и прялкой!», «Не домнешь – так за прялкой вспомнешь!», «Без черев собачка, да – вяк, вяк; без зубов тетка Матрена, да кости гложет!».

Хоть и «густоедом» зовется август месяц, а половина его под постом ходит. Но «Успенский пост – мужика досыта кормит!» Поспевает к этому времени не только хлеб, но и всякая овощ: где позаботятся бабы огород вовремя засадить, там – и огурцы, и редька, и свекла, и репа, не говоря уже о луке, – все поможет «поститься – не голодая, работать – не уставая». «Не до жиру, быть бы живу!» – говорят в народе, прибавляя к этому: «От первого от Спаса накопит и мужик запаса!», «В августе баба хребет в поле гнет, да житье-то ей мед: дни короче – дольше ночи, ломота в спине – да расносол на столе!».

Первый Спас меда заламывает; он, по народному присловью, и бабы грехи замаливает: «На Спаса в ердани купаться – незамоленые грехи простятся». Потому-то бледной тенью седой старины и дошло от царей московских до нашего забывчивого безвременья «происхожденское купанье», до сих пор совершающееся в глухой пошехонской округе Ярославской губернии и в некоторых других памятливых уголках деревенской Руси после крестного хода на воду в день Происхождения Честных Древ Животворящего Креста Господня (1-го августа). В старину на этот праздник погружались в освященные воды реки и мужчины, и женщины, и старые, и малые – одновременно, в одном и том же месте; теперь, – там, где сохранился этот обычай, – женщины и девушки входят в реку поодаль, наособицу; в других же местах купают в этот день только лошадей.

Во второй августовский день Православная Церковь воспоминает «перенесение мощей Стефана святого» и «Василия юрода (блаженного) дивна московскаго». Умалчивая о последнем, переходящие калики – певцы убогие – распевают о Стефане-Первомученике свой особый стих-сказ. В Краснинском уезде Смоленской губернии записан следующий, хотя и затемненный-затуманенный явным наслоением книжного склада, но и теперь не вполне лишенный светлой народной окраски, разнопев этого неведомо когда и кем сложенного духовного стиха: «Прославляем

сего веры. Фарисеи, лицемеры, начатки ему стяжаху, против мудрости стати не можаху, фарисеи и саддукеи зрят на него сидяще; видев Стефан лице Божье, как ангела светяща; ложныя тамо свидетельства поставивше на соборище, восприемше восхитоша, и ведоша на сонмище. На высоком месте святой Стефан стояше; много крупным камнем на Стефания меташа; к небу лицом нарекашеся, сердцем распалашеся: – Се Бог, виждь, небо твердо, то мы вам поведеам. – От Аврама даждь нам крест! – сей подробном глаголаше; колесовыя дякона ризы стеляху, горьким зелием и камнем Стефана побяху. – Покуда вы, иудеи, одне вы слепо ходите? Бог явился и воплотился, вы же его не видите? – Приведоша Стефана к ложному свидетельству; простре Стефан руце свои, небо ему отверзашеся; узрев Стефан Господа Иисуса, одесную сядища: – Боже, Боже, прими дух мой, в руце свои, Царю Христе, на веки веков!»

За днем Стефана-Первомученика стоят в неписанном простонародном изустном месяцеслове «Антонны-вихреви» (3-е августа, день св. Антония Римлянина, чудотворца новгородского), «Семь Отроков – сеногной» с «Евдокеями-огурешницами» (4-е августа). «Семь Отроков» (Дионисий, Иоанн, Антонин, Максимилиан и другие три) – по народной примете – «семь дождей несут»; «Евдокея-огурешница», заставляющая собирать огурцы, в то же самое время напоминает бабам с ребятами и о поспевшей в залестье малине-ягоде («Авдотьи-малиновки»). Пятое августа, – «Евстигнеев день», когда, по завету дедов-прадедов, заклинала русская деревня Мать – Сыру Землю ото всякого лиха, ото всякой оскверняющей ее нечисти, – канун Спаса-Преображенья (Второго Спаса).

«Преображения день светло совершаем,

Христа славу си являша песнми величаем!» – гласит из народных уст стих духовный, приглашая православный люд к достойному чествованию великого праздника Господня.

Второй Спас (6-е августа), по народному слову, «яблочком разговляется». Следом за этим, отмеченным особыми приметами днем – «Пимена-Марины, не ищи в лесу малины: девки лес пройдут, дочиста оберут!» Восьмого августа «Мироны-ветроганы, пыль по дороге гонят, по красном лете стонут». За «Миронами» – «апостол Матфий божественный, иже вместо падшаго Иуды причтенный». Десятый день августа – «соберихи-зорничника» – Лаврентьев день: на него вспоминаются, по православному месяцеслову, два Лаврентия – св. архидиакон-мученик да блаженный калужский.

Об одиннадцатом августа в Рязанской губернии записано И.И. Сахаровым любопытное предание, идущее от времен татарщины. В этот день, по словам старых рязанцев, в селах-деревнях, что стоят по берегам рек Вожи и Быстрицы, на так называемых «перекольских могилках», воочию совершается чудо чудное. Слышен бывает на болоте свист, доносится с болотины песня: «а и кто свистит, а и кто поет – никто не ведает». Происходит диво дивное. Выбегает из болота на «могилки» белая лошадь, – выбежит, все могилки обегает, к речам Матери – Сырой Земли прислушивается, земь копытом бьет-раскапывает, над зарытыми в ее недрах покойничками плачет. «Зачем она бегаёт, что слушает, о чем плачет, никто не знает, не ведает»... Погасает вечер, темень ночная опускается на грудь

земную; появляются над могилками огоньки блудящие, с могилки на болотину перебегают. «Как загорят они, так видно каждую могилку, а как засветят, то видно, что и на дне болота лежит, да уж так видно – что в избе лавка!» Выискивались смельчаки, пытливым умом-разумом наделенные, – выискивались, пытались подкараулить-поймать дивного коня белого; находились и охотники – изловчиться-уловить огонек с могилки, дознаться-доведаться: чей свист раздастся, что за песня звенит-разливается по затишью вечернему. Не тут-то было! Коня белого и ветер не догонит, не то что человек: если и можно подобрать этому неизвестному-неведомому коню какое прозвище, так разве одно – «Догони-ветер». Но конь в руки не дается; а от свисту да от «песни» – только оглохнешь, коли дознаваться станешь – кто да что; за огнем пойдешь – в трясину заведет, в трясину-болотину, в топь невылазную. Ходит по вожским да по быстрицким деревням старый сказ, хорт – что клюкою, старой памятью людей, в старине сведущих подпирается. И ведет этот рязанский сказ староскладную речь, не сказку, не песню, а быть-побывальщину. Было в давние времена на перекольских могилках за трое суток до Успения Пресвятой Богородицы, четверо суток спустя после Спаса-Преображения, кровавое побоище. Бились не на живот, а на смерть, сражались русские христианские князья со злым басурманином, с татарами. Длилась битва, лилась кровь – с обеих сторон. И вот начали ломить-одолевать басурманские рати силу русскую. Но, откуда ни возмись («как ни отсюда, ни оттуда») – взялся, выехал на белом коне богатырь облика нездешнего, неведомого вида незнаемого, а за богатырем – сотни-рати богатырские. Начал-почал бить-колоть богатырь зло татаровье – «направо и налево и добил их чуть не всех». И добил бы всех, да «тут подоспел окаянный Батый», – подоспел, богатыря на-земь свалил-убил, а коня загнал в болотину. С той стародавней поры, по словам вещего предания, «белый конь ищет своего богатыря, а его сотня удалая поет и свищет, авось – откликнется удалой богатырь»...

Остается три дня до Успения: Никитин, Максимов да Михеев. На Михея (14 августа) дуют ветры-тиховей – к ведреной осени; Михей с бурей – к ненастному сентябрю, – гласят деревенские приметы. Михеев день Успенский пост кончает, осеннему мясоеду навстречу идет, бабьим летом бурей-ветром перекликается.

Успение Пресвятой Богородицы – великий праздник, изукрашенный в народном представлении целым рядом особых поверий, примет и сказаний (см. гл. XXXIV).

«Большая Пречистая», – как зовется в народной Руси этот день, – «август месяц на два полена рубит»: делит пополам. За Успеньем – 16 августа, Третий Спас – Спожинки.

С Успенского заговенья вплоть до «Ивана Постного» (29-го августа, дня усекновения честных главы св. Иоанна Крестителя) идет пора «молодого бабьего лета», время осенних хороводов. «Кому работа, а нашим бабам и в августе – праздник!» – замечает деревня по этому поводу, кивая устало головушкой победною на бабью беззаботность веселую, никаким потовым-«страдным» трудом никогда не крушимую.

Спожинки пройдут, через день – вслед за ними – «Досевки»: 18-е августа, память святых Флора и Лав-

ра. Начинаются вечерние бабы «засидки». Памятует трудовой люд старое присловье о том, что «с Флорова дня засиживают ретивые, а с Семена (1-го сентября) ленивые», – памятуя, не хочет попасть в разряд последних. В Симбирской губернии, да и в некоторых других на Флора и Лавра – лошадиный праздник. В этот день крестьяне прикармливают лошадей с утренней зорьки свежим сеном да овсом, убирают заплетают им гривы пестрыми лоскутками. В обедню гонят коней к церковной ограде, – скачут во всю прыть верхами на них ребята малые, пыль столбом вьется вдоль по улице. Отойдет обедня, отпоют попы молебен чествуемым святым покровителям коней, – выходят за ограду кропить приведенных лошадей «свяченой» водою. Это, по уверению благочестивых людей, держащихся старинных преданий, охраняет коней ото всякого лиха. «Умолил Флора-Лавра – жди лошадям добра!» – катится по дорогам прямоезжим, перекачивается и путями окольными-проселочными из конца в конец всей великой Руси вещая молвь – крылатое слово народное: «Флор-Лавер до рабочей лошадки добер!» Конеторговцы-табунщики твердо помнят старинный наказ-обычай – «до Флора-Лавра не выжигать молодым коням тавра (клейма)».

«На Феклу (19-го августа) дергай свеклу!» – примечают огородники: «на то она, матушка, и прозывается свекольницею!» В степных местах следят в этот день за тем, с какой стороны ветер дует. «Если с полуден на Феклу тянет – пошли овсы наспех, с теплых морей подул ветер на овес-долгорост!» В старой Москве гулял честной люд православный в этот день под Донским монастырем; туляки, о которых сложились в народе прибаутки – «Живет в Туле да ест дули!», «Бей челом на Туле – ищи на Москве!» – ходили на предосенней Феклиной гулянке веселыми ногами «у Николы за валом».

20-е августа – свят-Самойлин день (память св. пророка Самуила): «Самойло-пророк сам Бога о мужике молит». За ним следом – апостолу Фаддею честь. «Кто Фаддей – тот своим счастьем (в этот день) владей!» – приговаривают речистые краснословы-бахари: «Баба Василиса, со льнами торопись – готовься к потрепушкам да к супрядкам!» 22-е августа в глазах деревенского суеверия является днем, в который следует на гумнах, находящихся невдалеке от леса, оберегать снопы от потехи Лесовика. «От этой нежити не оберечься – так пропадешь!» – гуторит народ. Где только их нет? «Был бы лес – будет и леший!». Не будь Лешему ворогом Домовой – не было бы с ним сладу: не сидится лесному хозяину на одном месте. Слышет он немым, да голосист на диво: недаром, по рассказам знавших с ним людей, поет без слов, бьет в ладоши, свищет, аукает, хохочет, плачет, филином-птицей гукает. Попадаетея ему навстречу мужик-простота – обойдет его Лесовик, собьет с дороги, заведет в трупобу непроходимую, если тот не догадается вывернуть на себе рубаху наизнанку. Остороголовый («голова клином»), мохнатый, с зачесанными налево волосами, без бровей и без ресниц, надел серый кафтан, застегнутый на правую сторону, подкрадывается он по лесной опушке к гуменникам и начинает развязывать и раскидывать снопы: все перекидает с одного гумна на другое, никто и не разберется после, если не принять надлежащих, особо на этот случай полагающихся предохранительных мер. В сахаровском

«Народном дневнике» рассказывается, что в старину в Тульской губернии выходили старики на караул к гуменной загороди. Снаряжаясь в ночное стоянье, надевали они тулуп, выворачивая его шерстью наверх; голову устрашили лесного хозяина обматывали полотенцем; вместо обыкновенного подога-посоха бралась в руки кочерга. Перед тем, как начать бережную, памятуемому в этот день, очерчивали кочергою круг и посредине садились наземь. Это, по народному слову, заставляло Лесовика чуть не за версту обходить стороной оберегаемое место.

23-е и 24-е августа – «Евтихеевы дни». Церковь Православная чествует в эти дни двух Евтихеев – преподобного да священномученика. Посельщина-деревенщина примечает, что, если об эту пору доспел ягода-брусника, то и со жнитвом овса надо торопиться. На 23-е августа, кроме Евтихия, падает, между прочим, память святого Луппа-мученика. «На Луппа льны лупятся!» – гласит народная молвь. По примете сельскохозяйственного опыта, лен две недели цветет, четыре недели спеет, а на седьмую – семя летит. «Хорошо, – замечает деревня, – коли Евтихий будет тихий, а то не удержишь льняное семя на корню: все дочиста вылупится!» В Сибири с Луппова дня начинаются во многих местах первые заморозки – «лупенские», за которыми идут вслед и другие: покровские, катерининские да михайловские. За шесть суток до конца августа-«соберихи» приходит на Русь Титов день. «Святой Тит последний гриб растит!» – говорят в Среднем Поволжье. «Грибы грибами, а молотьба – за плечами!» – приговаривают в Симбирской губернии, напоминая, к слову, об известной прибаутке: «Тит, Тит! Иди молотить! – Зубы болят! – Тит, Тит, иди кисель есть! – А где моя большая ложка?...» С Титова на Натальин (26-е августа) день варят ввечеру бабы овсяный кисель. День Адриана и Натальи зовется «овсяницами»; с этой поры начинают дружно косить в полях овсы: «Ондрейан с Натальей овсы закашивают». В старые годы в этот день ввечеру носили мужики сноп овсяный (связанный из первого скошенного овса) на барский двор. При этом пелись впроголос особые песни. Теперь этого обычая нигде не соблюдают, но – по старой памяти – кое-где еще ставится наособицу первый сноп: захватывается сиоля в избу, где и помещается в «большой кут», под образа. Возвратившись с работы из поля, хозяйка поспешно собирает ужин, приготовленный заранее. Садятся за стол православные и начинают угощаться толокном, замешенным на кислом молоке («дежень»), да овсяным киселем или блинами. «Ондрейан толокно месил, Наталья блины пекла!» – приговаривает хозяйка. – «Спасибо за сладкий дежен, за сытые блины!» – вставая из-за стола, обрацаются к ней угощавшиеся: – «А нет ли еще грешневой кашки?» – «Грешневая не выросла, не хотите ли березовой!» – отвечает она смешливым ребятам-подросткам, убирая со стола. С этого дня толокно уходит из домашнего обихода запасливых хозяев. «В овсяной покос – толокном паужинай!» – говорят они, на красные словца не скупясь: «Скорое кушанье толокно – замеси да и в рот понеси!», «Хвалился пест, что толокно ест!», «Толокном Волги не замесишь!», «Поел пест толокна, да и не хвалит: нынче толокно, завтра толокно, все одно – не прискутит и оно!», «Было бы толоконец, а толоконнички-то всегда найдутся!» и т. д.

27-го августа – «Двое Пименов с Анфисой об руку стоят, к Савве-скирднику навстречу вышли!» На Савву-скирдника (28-го августа) зачинают-починают по степным местам убирать последний сжатый хлеб в скирды. Поставить скирды для мужика-хлебороба – дело привычное, нетрудное. «У хорошего хозяина – копна со скирдой спорит, а у лежебока – скирдешка с копенку!», но – «В хорошие люди попасть – не скидерку скласть!», «Пскович – Савва (псковский чудотворец) скирды справит, на ум направит!» Обычай класть скирды в каждой местности – свой, наособицу. 29-го августа – «Иван Постный», – день, посвященный Православной Церковью воспоминанию об усекновении честныя главы св. Иоанна, Крестителя Господня.

За Иваном Постным – Александр Невский. Об этом благоверном князе, русском святом, ходит по православной Руси немало сказаний народных. В одном из них, записанном в Орловской губернии, повествуется о победах св. Александра Невского (68) [68] Вел. кн. Александр Ярославович, прозванный – за свои победы над шведами на берегах Невы – Невским и сопричтенный Православной Церковью к лику святых, был вторым сыном вел. князя Ярослава Всеволодовича. Он родился 30 мая 1220 года, занимал престол великокняжеский (Владимирский) с 1252 года. До вступления на стол Мономахов он был князем Новгородским. На его долю выпал подвиг охранять родную Русь от воинственных набегов шведов, ливонских немцев и литовцев в то самое время, когда остальная Русь стонала под напором татарского нашествия. 5-е апреля 1242 года – день самой славной битвы кн. Александра: знаменитого «Ледового побоища», нанесшего тяжкий урон северо-западным врагам народа русского. После смерти отца (в 1246 году) он проявил в отношении к татарским ханам политическую мудрость. Последним делом св. Александра Невского было выхлопотанное им освобождение русского народа от повинности выставлять для татарских полчищ военные отряды. Кончина благоверного князя, стяжавшего себе память заступника Земли Русской, последовала 14 ноября 1263 г. Он скончался на пути из Золотой Орды – в Городце Воложском – и был погребен во Владимире. Мощи св. Александра Невского открылись в 1380 году. В 1724 году, по воле Императора Петра I, они были перенесены в Петербург, где до сих пор почивают в Троицкой церкви Александро-Невской лавры]. Песнотворец-стихосказатель погрешил в этом песенном сказе, и немало, против строгой, запечатленной в летописях правды,

но остался вполне верен исконному русскому духу.

«Уж давно-то христианская вера во Россееюшку зошла, как и весь-то народ русский покрестился во нее, покрестился, возмолился Богу Вышнему», – начинается этот сказ. Далее приводятся слова, которыми русский народ-сказатель «возмолился»:

«Ты создай нам, Боже,
Житье мирное, любовное;
Отжени ты от нас
Врагов пагубных;
Ты посея на нашу Русь
Счастье многое!..»

Повествование продолжается со спокойствием летописи: «И слышал Бог молитвы своих новых христиан: наделял он их счастьем многим своим. Но забывая народ русский, в счастья живя: он стал Бога забывать, а себе-то гибель заготовлять. И наслал Бог на них казни лютыя, казни лютыя, смертоносныя: он наслал-то на Святую Русь нечестивых людей – татар крымских... Война всегда казалась мирному народу-пахарю «смертоносной казнью», хотя в лихие години и поднимался он весь от мала до велика на защиту Родины. «...и двинулось поганое племя от севера на юг», – ведет свою повесть безвестный сказатель: «как сжигали-разбивали грады многие, пустошили-полонили земли русския. Добрались-то они до святого места, до славнаго Великаго Новгорода»... Эти слова указывают на северное – новгородское – происхождение приводимого сказания. «Но в этом-то граде жил христианский народ: он молил и просил о защите Бога Вышняго. И вышел на врагов славный новгородский князь, новгородский князь Александр Невский. Он разбил и прогнал нечестивых татар; возвратившись с войны, он во иноки пошел, он за святость своей жизни угодником Бога стал»... За этим, особенно погрешающим летописной правде местом сказания следует моление, с которым, по слову сказателя, «притекают грешнии народы» ко св. Александру Невскому: «Ты, угодник Божий, благоверный Александр! Умоляй за нас Бога Вышняго, отгоняй от нас врагов пагубных! И мы тебя прославляем: слава тебе, благоверный Александр, отныне и до века!» На том сказ и заканчивается.

За Александровым – Куприянов день (31-е августа). Собирают на этот день журавли свое первое вече на болотине, в лесной чаще: уговор держать – каким путем-дорогою на теплые воды лететь. Куприянов день – канун сентября. А «батюшка-сентябрь не любит баловать»: ветры-«сиверы» со полуночи дуют.